

Игорь Орлов

Дом добровольного молчания

КодМЫ

Психологический
триллер

Игорь Орлав

Дом добровольного молчания

«Автор»

2026

Орлав И.

Дом добровольного молчания / И. Орлав — «Автор», 2026

Лида Кострова приезжает в загородный дом на шестьдесят часов тишины. Телефоны запирают в личных ячейках, уехать обещают по первому требованию. Но одна из участниц исчезает, а её вещи остаются. Хозяин просит не нарушать чужое уединение. Дождь отрезает дорогу, и Лиде приходится решать, где заканчивается уважение к чужому выбору и начинается опасное бездействие. Чтобы найти пропавшую, пятерым незнакомцам нужно договориться — так, чтобы каждый сигнал был понят правильно.

Содержание

1. Ключ остаётся у вас	6
2. Последний разговор	9
3. Шесть мест	12
4. Оранжевый чехол	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Игорь Орлав

Дом добровольного молчания

Все персонажи, организации и события этой книги вымышлены. Совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны.

1. Ключ остаётся у вас

Лида потянула ключ из замка, и вместе с ним вышла тонкая латунная пластинка с цифрой четыре. Колечко разогнулось. Ключ остался между её пальцами, пластинка звякнула о каменный пол.

— Вот и закончился мой отдых, — сказала женщина рядом и наклонилась раньше Лиды. — Уже надо что-нибудь чинить.

Она положила четвёрку на стойку, достала из кармана маленькие плоскогубцы и сжала колечко. Плоскогубцы были обмотаны у ручек жёлтой ниткой.

— Вера. Это у меня профессиональное. Где нитка, там и инструмент.

— Лида. У меня профессиональное — замечать, что цифра приклеена криво.

— Значит, мне исправлять, вам страдать.

Вера рассмеялась и вернула ей ключ. За спиной у них администратор поднимала упавший чемодан: кто-то поставил его на колёсики поперёк старых половиц, и он уехал, пока хозяйка любовалась окном.

Лида приехала в дом час назад. Сначала был поворот с шоссе, потом лесная дорога, узкая насыпь через заросшую протоку и белый двухэтажный корпус на мысу. На последнем пригорке водитель предложил отправить сообщения о прибытии.

— Дальше связь только из кабинета. Здесь телефончики обычно ничего не ловят.

Лида написала дочери: «На месте. Вернусь в понедельник днём». Ася ответила двумя словами: «Хорошего отдыха». Лида несколько раз перечитала их, хотя ни скрытого смысла, ни ошибки там не было.

Теперь телефон лежал на дне её сумки. Она ещё могла отказаться. У стойки стоял шкаф с шестью застеклёнными ячейками, но ни одна дверца пока не была закрыта. За стеклом виднелись светлые войлочные коврики; это напоминало музей, где ещё не разложили экспонаты.

Администратора звали Галина. На её льняной блузке темнел след от воды. Она объяснила, что перед ужином все встретятся с Эдуардом Левиным, организатором программы, а до тех пор можно посмотреть комнаты, погулять, передумать, выпить чай. Последнее она произнесла так, будто чай помогал выбрать между остальным.

Лида взяла чашку и вышла на веранду. Здесь пахло яблочной кожурой и нагретой доской. В саду мужчина с бритой головой пытался поднять лежавший стул, удерживая ногой второй. Невысокая женщина с короткими белыми волосами наблюдала за ним с выражением человека, которому уже известен более удобный способ.

— Их не надо складывать один на другой, — сказала она наконец. — Они сцепляются.

— Я уже познакомился с этим свойством, — ответил мужчина.

Лида придержала нижний стул. Трое справились за секунду и сели рядом, довольные необязательным, но законченным делом. Мужчина оказался Павлом, женщина — Мартой. Павел ремонтировал кухни и впервые за восемь лет оставил рабочую машину дома. Марта на пенсии занималась семейными бумагами и устала от родственников, которые считали, что свободное время должно обязательно принадлежать им.

— Я предупредила, — сказала она. — Трое суток ничего не ищу, не пересылаю и не вспоминаю, кому отдана дачная квитанция.

— А вы? — спросил Павел у Лиды.

Она посмотрела в чашку. На поверхности плавал маленький кусочек корицы.

— Я оформляю книги. Захотела пожить там, где от меня не требуется исправить чужую страницу.

Это было правдой, хотя не всей. Про Асю она пока не собиралась говорить.

К шести часам у круглого стола собрались шестеро. Последними вошли высокий молодой мужчина в сером свитере и женщина с длинной тёмной косой. Молодой человек представился Арсением, разрешил называть себя Сеней и тут же спросил, где здесь можно купить нормальный кофе. Женщина назвала имя — Инна — и больше ничего о себе не сообщила. На её пальцах Лида заметила следы синей краски.

Эдуард Левин пришёл без звона чашки, без просьбы сесть прямо, вообще без знака начала. Он отодвинул у стены тяжёлую штору, выпуская вечерний свет, и спросил, всем ли удобно. Лиде понравилось, что он дождался настоящего ответа. Павел пересел: солнце попало ему в глаза.

— Сегодня в двадцать часов мы начинаем, — сказал Левин. — В понедельник в восемь утра заканчиваем. Шестьдесят часов. Не испытание на выносливость, не лечение, не обещание стать другими людьми. Мы даём вам дом, еду и возможность некоторое время не поддерживать разговор.

Лида перевернула выданный лист. На обороте были те же правила, что на сайте: никаких новых мелких строчек.

Разговаривать с персоналом разрешалось в любое время. Если заболит зуб, понадобится ещё одеяло, станет страшно или просто захочется уехать, молчать не следовало. Книжки, блокноты, прогулки и дневной сон оставались на усмотрение гостей. Общаться записками друг с другом не запрещали, но предлагали сначала попробовать обойтись без них. После сигнала к еде никто не обязан был появляться немедленно.

— Красная карточка нужна тем, кто не хочет объясняться, — Левин поднял прямоугольник плотной бумаги. — Показываете её Галине, Роману или мне. Это означает: я прекращаю участие. Не просьбу обсудить ваше решение. Не приглашение вас переубедить.

— Тогда почему карточка? — спросила Вера. — Можно ведь сказать.

— Конечно. Карточка — дополнительная возможность.

— И вещи сразу?

— Сразу. Телефон вы выключаете сами, кладёте в свою ячейку и забираете ключ. Общий ключ у Галины: на случай, если, например, шкаф зальёт водой. При таком открытии мы сразу сообщаем владельцу и записываем причину. Паспорта, деньги, лекарства оставляете при себе.

Сеня поднял палец.

— А транспорт? Я не на машине.

— Роман отвозит до посёлка. Оттуда такси или автобус. Если вы уезжаете досрочно, неиспользованные ночи возвращаем. Штрафа за разговор не существует.

— Ночью тоже отвезёт? — уточнила Марта.

— Да. При проезжей дороге. Здесь обычный загородный дом, погода иногда вмешивается. Но мы не запираем ворота и не решаем, достаточно ли серьёзная у вас причина.

Павел спросил о воде вокруг мыса. Левин показал на настенной фотографии насыпь, по которой они въехали. Старое русло огибало дом с трёх сторон. Напротив виднелась крыша насосной станции, за ней начиналась дорога к посёлку. Для хозяйства держали лодку; она стояла в сарае у нижнего сада.

— А если семье нужно срочно связаться? — спросила Лида.

Галина показала номер дежурного проводного телефона, напечатанный под правилами. Лида уже отправила его дочери. Рядом лежал сам аппарат — бежевый, с потёртыми кнопками. Галина набрала кого-то, спросила, привезут ли в понедельник хлеб, и поднесла трубку к Марте. Из неё донёсся сердитый голос: хлеб привезут, если закажут до вечера.

Все засмеялись. Разговор оказался убедительнее обещания о круглосуточной связи.

Лида подписала лист. Галина раздала ещё по половине страницы: можно было написать, чего ждёшь от выходных, или оставить бумагу пустой. Лида повторила две строки из

заявки. Вера вывела свой ответ, подумала и приписала что-то снизу. Эти листки Галина убрала отдельно от правил.

Вера задержалась над своим экземпляром договора.

— Я иногда меняю решение без уважительной причины, — сказала она.

Левин улыбнулся:

— Это и есть возможность выбирать.

Лида ещё долго будет помнить эту улыбку: спокойную, немного усталую, ничем не отличавшуюся от улыбок людей, которым она верила без последствий.

Перед ужином они сами выключили телефоны. У Веры был широкий оранжевый чехол с белым сколом у камеры. Она положила его в шестую ячейку, рядом — автомобильный ключ. Машина осталась на городской стоянке у места сбора. Ключ от шкафа Вера спрятала во внутренний карман жилета.

Лида заперла четвёртую дверцу. Исправленное колечко больше не расходилось.

На часах над стойкой было без двадцати семь. Целый вечер ещё принадлежал голосам.

2. Последний разговор

За ужином Сеня попросил передать соль и обнаружил, что солонка стоит у его локтя. Он предложил считать это генеральной репетицией будущих затруднений.

— Я работаю в языковой школе, — объяснил он. — Не преподаю, всё организую. От меня за день столько раз хотят ответа, что вечером я разговариваю с холодильником. Он хотя бы не задаёт уточняющих вопросов.

— А мой требует разморозки, — сказала Марта. — Очень настойчиво.

Лида ела печёную рыбу и думала, что с этой компанией вполне можно было бы провести выходные обычным образом. На столе не было ни свечей для общего настроения, ни обязательных пожеланий соседу. Вера выбирала из салата лук. Инна делила яблоко на такие тонкие дольки, что свет проходил сквозь них. Павел признался, что в детстве считал выступавшую у стены трубу домашним органом и дул в неё через свисток.

— Поэтому я проверяю, чтобы в кухнях ничего не пело, — закончил он.

Разговор о трубах привёл к разговору о нелепых комнатах. Инна оформляла витрины и рассказала про заказчика, потребовавшего сделать осень «радостной, но без жёлтого, красного и оранжевого». Вера работала в маленьком театре, где сценическая зима однажды держалась на трёх белых простынях и подсветке от настольных ламп. Лида вспомнила обложку, которую её просили сделать пустой, но чтобы в пустоте сразу читались богатство, любовь и путешествия.

— Надо было нарисовать чужую кредитную карту, — сказал Сеня.

Марта первой засмеялась, уронила на скатерть яблочную дольку и, поднимая её, засмеялась ещё сильнее. Лида поймала себя на том, что ждёт следующей реплики. Она уже давно не ждала от незнакомого человека ничего, кроме необходимости вежливо ответить.

После ужина Вера нашла на нижней полке в гостинной коробку со старыми картонными домиками. Каждый складывался из нескольких деталей. У половины не хватало крыш, а один был склеен из частей двух разных зданий. Окошки прорезали вручную, кое-где неровно.

— Театральный город, — сказала Вера. — Его отсюда не видно, а он существует.

Галина, уносившая посуду, объяснила, что здесь раньше проводили детские занятия. Дом купили уже с мебелью, коробками и странной библиотекой. Левин оставил всё, чем можно заниматься без экрана.

Лида подняла маленькую водонапорную башню. Край бумаги отслоился. Она попросила клей, но Галина принесла только муку и блюдо: подходящий клей закончился. Вера предложила не реставрировать, а собрать город так, чтобы всё держалось без помощи.

Они провозились почти час. Павел устраивал распорки из чайных палочек. Инна рисовала новые окна на обороте упаковки печенья. Сеня строил вокзал, который постоянно валился на соседнюю булочную. Марта переносила готовые здания на поднос и возражала против дороги, проходившей через площадь.

— На площади гуляют.

— На моей площади пересаживаются, — сказал Сеня.

— Тогда это не площадь, а ваше затруднение.

Вера сидела рядом с Лидой. Вблизи были видны мелкие светлые шрамы на её пальцах и серебряная прядь в тёмных волосах. Когда она наклонялась над домиком, прядь выскальзывала из низкого узла.

— У вас кто-нибудь остался дома? — спросила она, придерживая картонный угол.

— Дочь. То есть не дома. Она сейчас живёт отдельно.

Вера кивнула и не задала следующего вопроса. Лида испытала благодарность, а через несколько секунд — неожиданное желание всё-таки ответить.

— Я слишком часто спрашивала, как она. Она сказала, что любой ответ превращается в начало проверки. Теперь учусь не проверять.

— Трудно?

— Я хорошо усваиваю правила.

Вера посмотрела на неё поверх картонной крыши, будто Лида сказала что-то забавное, но улыбаться не стала.

— Мой взрослый сын полагает, что я отдыхаю неправильно. Отправил сюда ссылку. Купила сама, чтобы не было подарка с обязательствами.

— И как вы отдыхаете неправильно?

— На даче. В театре. Чиня чужое пальто. Он хочет, чтобы я ничего не делала. А я хочу делать что-нибудь такое, что можно оставить недоделанным.

Вера убрала руки. Домик медленно наклонился. Лида успела подставить палец, обе зашипили от смеха, стараясь не сбить остальные постройки.

— Вот этот пока нельзя, — признала Вера.

Без пяти восемь Галина обошла гостиную, поставила на подоконник стакан с карандашами и маленькую стопку блокнотов. Красные карточки лежали в комнатах, по одной на прикроватной тумбочке. Она напонила, что дверь кухни можно открыть ночью, если понадобится вода, но внутренняя дверь в хозяйственную часть закрыта: там моющие средства, инструменты и служебная лестница.

— Телефон я унесу в наш служебный кабинет, — добавила она. — Ночью здесь никто не дежурит. На столе кнопка вызова, она звонит у меня.

Марта проверила часы. На её маленьких наручных было уже восемь. Она переставила стрелку на четыре минуты назад, сверившись со стенными.

— Чтобы потом не спорить со всем домом, — объяснила она Сене.

Затем раздался короткий удар в медную чашу. Левин не говорил заключительного слова. Он просто стоял в дверях и держал деревянную палочку. В первые несколько секунд Лида чувствовала, как у неё во рту остаются произнесённые фразы. Потом Сеня торжественно закрыл рот двумя пальцами, и Марта погрозила ему салфеткой. Тишина началась со сдерживаемого смеха.

Позже Лида сидела у себя на кровати и слушала дождь. Небольшая комната на втором этаже выходила в сад. У стены стоял узкий письменный стол, на нём — лампа, стакан и чистая бумага. В коридоре светили закрытые матовыми плафонами бра. Двери не хлопали: на коробки наклеили мягкие полоски.

Она расстегнула сумку, по привычке потянулась к внутреннему карману и вспомнила о телефоне. Проверить было нечего. Никто не видел, когда она последний раз заходила в переписку. Никому не требовался ответ в пределах десяти минут.

Лида вынула из сумки книгу. Из неё выпал лист с наброском новой обложки. Она перевернула его рисунком вниз, но не выбросила: свободное время ещё не давало ей права на красивый жест.

Около десяти в коридоре прозвучали шаги. За дверью что-то тихо скребнуло. Лида открыла и увидела на полу картонную башню, починенную двумя аккуратными скобами. Вера стояла у соседней двери с чашкой воды и выглядела виновато: снова не сумела оставить дело недоделанным.

Лида поднесла башню к глазам, как подзорную трубу. Вера прижала свободную ладонь ко рту. Обе рассмеялись совсем беззвучно.

На тумбочке лежала красная карточка. Лида подвинула её под основание лампы, чтобы не смахнуть ночью. Надпись была простая: «Я прекращаю участие. Прошу вернуть мои вещи».

Прежде чем лечь, она ещё раз посмотрела в сад. За деревьями светило одно окно небольшого кирпичного павильона. Днём Галина назвала его комнатами для индивидуального

отдыха. От главного дома туда вела крытая дорожка, по железному навесу которой дождь стучал громче всего.

Лида выключила лампу. Впервые за долгое время ей не пришлось придумывать, почему она имеет право ничего больше не делать.

3. Шесть мест

Утром молчание оказалось не пустым. В нём отдельно существовали вода в чайнике, скрип стула под Павлом, шорох Мартиной газеты. Кто-то оставил в гостиной блюдце с очищенным мандарином. Дольки лежали кругом, а в середине была вырезанная из кожуры звезда. Инна заметила Лидин взгляд и едва заметно поклонилась.

После завтрака дождь прекратился. Лида надела плащ и пошла по дорожке к воде. Сосновые корни выступали из песка, как старые ступени. Протока, на въезде казавшаяся неподвижной, теперь несла листья и тонкие ветки. На противоположном берегу стояла насосная станция с зелёной крышей. Ни людей, ни машин возле неё не было.

У лодочного сарая работал Роман. Вчера он вёз их из города, уверенно объезжал колеи и на каждом повороте поправлял рукав куртки. Сейчас на нём был тёмный дождевик. Он протянул через ручки широких ворот цепь, навесил замок и, увидев Лиду, кивнул.

Она показала на тропинку вдоль берега, спрашивая без слов, можно ли пройти. Роман вытянул руку, обозначил короткий участок, затем покачал головой и сказал:

— Дальше осыпается. До скамейки можно.

Обычное предупреждение. Лида дошла до скамейки, посидела, разглядывая воду, и вернулась. По пути ей встретилась Вера. На ней была охристая рубашка, застёгнутая неровно: одна пуговица попала в соседнюю петлю. Вера этого ещё не заметила. Она несла чашку и свою красную карточку.

Лида остановилась. Вера помахала карточкой в сторону дома, а потом показала большой палец. Лида решила, что Вера уезжает и не хочет превращать это в событие. Они улыбнулись друг другу. Вера пошла дальше.

Лида подумала: вот, я могу. Не останавливать человека, не выяснять, не предлагать помощь прежде просьбы. Ей даже стало немного стыдно за удовлетворение собой: Вера просто шла по своим делам.

На веранде Сеня читал книгу вверх ногами. Это была шутка, приготовленная для первого проходящего. Лида повернула голову, попыталась прочитать заголовок, и Сеня сдался. Он отодвинул стул. Рядом уже сидела Марта, заполнявшая кроссворд карандашом. Они устроили безмолвное совещание о слове из семи букв. Лида предложила один вариант, Сеня — другой. Марта решительно вписала третий. Через пять минут выяснилось, что неверны все три.

Час прошёл легко. Лида не следила за ним. Когда из дома вышла Галина и направилась к павильону, Лида подняла голову только потому, что в её руках звякнуло что-то металлическое.

Следом шла Вера. Красной карточки у неё уже не было. Она держала под мышкой прозрачную папку со своим экземпляром правил. Роман придержал калитку между кухонным двором и крытой дорожкой, пропустил женщин и остался у ограды.

Лида помахала Вере. Та оглянулась, но Галина в этот момент что-то ей сказала, и Вера повернулась обратно. Из-за расстояния Лида не видела её лица.

К обеду Вера не пришла. На её месте стояли тарелка и стакан. Галина убрала тарелку последней, хотя никто не подавал знака, что ждать бессмысленно.

Сеня написал на салфетке: «А шестой человек?» — и передал Галине. Та прочитала и ответила вслух, негромко, так, чтобы слышали все:

— Вера выбрала отдельный формат. Сейчас ей нужно побыть одной. Пожалуйста, не ставьте её в положение, когда надо объясняться перед группой.

Инна первой кивнула. Лида узнала в её движении собственное утреннее решение. Люди приезжали сюда именно затем, чтобы иметь возможность не отвечать. Она снова принялась за суп.

Но после обеда спустилась в холл и посмотрела на шкаф. Оранжевый телефон лежал на месте. Если Вера осталась, это ничего не означало. Лида медленно прошла мимо, будто проверяла направление света.

В гостиной на подносе стоял их город. Сенин вокзал завалился набок и теперь перекрывал дорогу. Лида поправила его, подумала, что Вера рассердилась бы на подпорку из видимой чайной палочки, и пошла искать её в саду.

Дверь павильона была закрыта. На матовом стекле висел белый прямоугольник: «Индивидуальная тишина. Не беспокоить». Лида подняла руку, но не постучала. Она представила Веру, которая наконец осталась одна, а к ней уже пришли: почему, надолго ли, не случилось ли чего.

Изнутри донёсся глухой звук. Мог упасть стул, могло ударить дверцей сквозняком. Лида всё-таки коснулась костяшками стекла. Ей никто не ответил.

— Там служебный тамбур, — сказал за её спиной Роман.

Она вздрогнула. Он стоял у угла с пустой корзиной для белья.

— Комнаты с другой стороны. Просили не заходить.

Лида опустила руку. Ей не понравилось, что Роман появился так бесшумно, но мягкая земля объясняла это лучше любого подозрения. Она указала на дверь и развела ладони: хотела узнать, всё ли в порядке.

— Всё в порядке, — сказал он. — Если что-то нужно, Галина вас найдёт.

В комнате Лида попыталась читать. Слова приходилось возвращать на место по несколько раз. Она достала свой блокнот и написала: «Вера, не хочу мешать. Ты уезжаешь?» Посмотрела на вопрос, зачеркнула. От такого сообщения тоже могло начаться требование отчёта. Она вырвала страницу, сложила и убрала в карман.

К четырём дождь вернулся. По коридору кто-то быстро прошёл, послышался звук колёс. Лида открыла дверь и увидела Романа с Вериным зелёным чемоданом. Тот самый чемодан вчера уехал по половицам от своей хозяйки.

— Вера уехала? — спросила Лида.

Собственный голос прозвучал сухо. Роман остановился на лестничной площадке.

— Собирается.

— Я могу с ней попрощаться?

— Она уже внизу.

Лида спустилась вслед за ним. В холле было пусто. Роман прошёл через кухонную дверь. Галина стояла у стойки, перебирала карточки и не сразу подняла глаза.

— Роман сказал, Вера здесь.

— Они разминутись. Эдуард Николаевич помогает ей оформить отъезд.

— Мне ничего оформлять не надо. Я просто хочу её увидеть.

Галина положила карточки на стойку ровной стопкой.

— Лидия, человек попросил её не задерживать. Мы же с вами об этом говорили.

Лида ощутила знакомый стыд. Так же Ася однажды сказала: «Ты всё равно найдёшь причину, почему я обязана ответить». Она отступила от стойки, пропустила Павла, который нёс в кухню чайник, и только тогда заметила пустое место на стекле шестой ячейки.

Сама дверца была цела. Исчезла маленькая бумажная полоска, наклеенная Верой поперёк стыка. Лида вспомнила, как та разгладила её после ужина: привычка костюмерши, помещавшей закрытые коробки.

За стеклом по-прежнему лежал оранжевый чехол.

Теперь Лида знала, какой вопрос задать. Он касался не Вериной тайны.

4. Оранжевый чехол

— Вы открывали шестую ячейку? — спросила Лида.

Галина посмотрела на шкаф, потом на кухонную дверь.

— Была необходимость.

— Какая?

— Эдуард Николаевич объяснит.

— Я спрашиваю вас. Это телефон Веры. Вы сказали, она уезжает.

Павел, уже взявшийся за дверную ручку, поставил чайник. Из гостиной показалась Марта. Лида услышала наверху шаги Сени: он тоже спустился на голоса.

Галина взяла со стойки зелёную папку. Открыла не на той странице, перелистнула и закрыла.

— Вещи передаются по акту.

Накануне такого слова не было. Лида вынула свой ключ, вставила в четвёртый замок и повернула. Он не поддался. Она перевернула ключ и попробовала ещё раз.

— В этой дверце иногда заедает, — сказала Галина.

Павел подошёл ближе, но Лида ещё раз потянула сама. Дверца открылась. На войлочном коврик лежал только короткий зарядный провод. Телефона не было.

Некоторое время никто не говорил. Лида провела пальцем по вмятине, оставшейся в войлоке.

— Где он?

— Убрали на хранение, — ответила Галина.

Сеня засмеялся одним коротким, неприятным звуком.

— Оттуда, где он хранился?

Галина нажала кнопку под стойкой. Не кнопку вызова, стоявшую сверху, а другую. Почти сразу появился Левин. Он был без пиджака, в мягкой светлой рубашке, с книгой в руке, словно его прервали за тем же занятием, которым должны были заниматься гости.

— Что произошло?

— Вы открыли мой шкаф и забрали телефон, — сказала Лида. — Я прекращаю участие. Верните его.

Левин положил книгу на стойку.

— Утром обнаружилась вода на задней стенке. Галина переставила устройства в сухое место. Мы не хотели тревожить вас техническими подробностями.

— Где вода? — спросил Павел.

Он провёл ладонью по штукатурке за шкафом. Стена была сухая. Это само по себе ещё ничего не доказывало: воду могли вытереть. Лида заставила себя не хвататься за объяснение, которое удобно опровергать.

— Вы обещали сообщить сразу. Мне не сообщили. Я прошу вещь обратно.

Левин посмотрел на Галину, как смотрят на человека, который допустил мелкую ошибку, а теперь вынуждает остальных тратить на неё время.

— Всё вернут. Дайте нам закончить с Верой.

— С ней что? — спросила Марта.

— Вера прервала участие и уехала.

— Когда? — Лида слышала, как громко звучит каждое её слово.

— Около четырёх. Точное время у Романа.

— Вы только что сказали: закончить с Верой.

— С её оформлением, Лидия. Не нужно ловить меня на сокращениях.

Марта достала из кармана сложенный лист правил и положила рядом с книгой. Она не повысила голоса.

— Здесь написано: вещи возвращаются при прекращении участия. Вы показывали это вчера.

— Разумеется.

— Тогда верните Лидии телефон. Мы потом продолжим отдых.

Левин вздохнул. Сеня повернулся к Марте, будто собирался сказать что-то резкое, но она подняла ладонь, не отрывая взгляда от хозяина.

— Я прошу исполнить ваше условие, — добавила она.

— Телефоны в служебном сейфе. У Романа ключ, а он сейчас на выезде.

Павел указал на окно. За мокрыми ветками виднелся белый микроавтобус.

— Машина здесь.

— Есть и вторая.

Никакой второй машины Лида не видела. Она не могла утверждать, что её нет. Всё происходящее состояло из таких узких промежутков: каждое объяснение ещё могло оказаться правдой, если отдельно забыть остальные.

Инна подошла последней. Она держала кисть, которую мыла в умывальнике, и синяя вода капала с волосков на пол.

— Я хотела спросить у Веры про ткань, — сказала она. — Галина сказала, она в павильоне. Это было без четверти четыре.

Левин не повернулся к Галине.

— Вера не обязана отчитываться перед каждым из нас. У некоторых людей потребность в уединении вызывает тревогу у окружающих. Это бывает трудно принять.

Лида знала, как легко эти слова подойдут к ней. Даже сейчас захотелось объяснить, что она не такая, что уже научилась отступать. Она упёрлась ладонями в край стойки.

— Я не спрашиваю, почему Вера уехала. Я хочу знать, почему вы взяли мой телефон. И почему её телефон остался здесь.

— Он будет отправлен владелице.

— Она просила его отправить?

— Её решения мы с вами обсуждать не будем.

Лида оглянулась на остальных. Никто больше не выглядел отдыхающим человеком. Сеня сжал пальцы так, что побелели костяшки. Павел стоял боком к кухонной двери. Марта разглаживала лист двумя руками. Инна перестала замечать, что с кисти течёт.

— Я тоже уезжаю, — сказал Сеня. — Сейчас. Мне не нужна машина. Дайте телефон, я вызову такси оттуда, где ловит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.